

Но что еще ей оставалось? Продолжать жить так, как она жила последние шесть лет, — единственный другой вариант. Жить в обиде, отвергая мир вокруг и медленно превращаясь в чудовище, в извращенное подобие человека. Еще десять лет такой жизни, и от нее останется лишь жесткая, бездушная оболочка, ничем не лучше, а может, даже хуже, чем та система, против которой она бунтовала. Если бы она пошла по этому пути, то в итоге навредила бы только себе. Сама Коноха от этого ничуть не пострадала бы и не возмутилась. — Я хочу быть хорошим человеком, — прошептала Рей. — В прошлой жизни я сознательно старался быть добрым к людям и поступать правильно. Я не хочу быть таким человеком, который считает других детей чем-то меньшим, чем люди. А как насчет того, чтобы впускать людей? Этот вопрос мучил ее с самого начала. За шесть лет жизни в Конохе она по-настоящему открыла свои двери лишь двум людям: Ино и, совсем недавно, Тентен. Она заботилась о своих родителях, особенно об Эмико, с которой проводила больше всего времени, но правда заключалась в том, что она держала их на расстоянии, особенно когда стала достаточно взрослой, чтобы стать независимой. Неудивительно, что она сломалась перед Нао-сенсеем. Когда она в последний раз открывалась кому-то? Делала ли она это хоть раз в этой жизни? Рей была почти уверена, что нет. Принять свое место в Конохе означало построить настоящие, искренние, глубокие связи с людьми. Могла ли она это сделать? Сможет ли она начать видеть в людях людей, а не просто безликое окружение или продолжение Деревни Скрытого Листа? — Боюсь, если я начну это делать, — пробормотала она, — то вдруг решу, что Коноха не так уж и плоха, и смерть в тридцать лет от варварской системы покажется приемлемой, потому что все, кто мне дорог, живут здесь. Но так ли это на самом деле? Действительно ли она полностью ассимилируется в Конохе, если смирится со своим нынешним положением и начнет впускать людей? Подумав немного, Рей с облегчением поняла, что нет. Она знала, что никогда не примет подростков, сражающихся на кровавых боях в Колизее ради развлечения и дипломатии, как нечто приемлемое и хорошее. Она никогда не смирится с тем, что двенадцатилетние дети убивают бандитов, считая это нормой. Ей никогда не было бы комфортно жить в авторитарном режиме, и она ни за что не согласилась бы с тем, что экономика, основанная на насилии, — это правильный путь для Скрытых Деревень. Короче говоря, даже если бы она смирилась со своим местом в Деревне, спрятанной в листве, она никогда не стала бы по-настоящему частью системы, как она боялась, пока придерживалась своих принципов. Так что же делать? Принять свое место в деревне? Что тогда? Рей знала, знала, что этот шаг может изменить ее планы на будущее. Она знала, что если она станет больше заботиться о людях вокруг, то, возможно, когда придет время, она решит, что не хочет уезжать. Возможно, она попытается остаться и изменить систему, как бы тщетно это ни было. Рей знала, что даже Каге не сможет изменить все. Но все же оставалась вероятность, что она решит остаться. В ней жила жажда странствий, чувство свободы, перешедшее из прошлой жизни. Рей не из тех, кто заикливается на бюрократии, пытаясь сделать мир лучше. Она предпочитала путешествовать, искать новые горизонты, и никогда не задерживалась надолго в одном месте. Став взрослой, она не жила в одном городе дольше трех лет. Это было частью ее сущности, и она не хотела меняться. Зная, что она не может покинуть стены Конохи, она чувствовала себя в ловушке, и в ней жила неутолимая жажда странствий, желание исследовать страны Элементалей, увидеть все чудеса нового континента. Она видела себя странствующей по миру, возможно, отшельницей, пока не состарится и не поседеет, и ее не позовут в следующую жизнь. Этот зов был глубоко в ее душе, и она знала, что не сможет игнорировать его вечно. Уйдет ли она? Или останется? В конце концов, она решила, что, скорее всего, уйдет, хотя в глубине души знала, что это еще не решено. Теперь уже нет. Но независимо от того, что она решит в итоге, ее дальнейший план не изменился: она станет ниндзя ранга S или убьет себя, пытаясь это сделать. Все остальные планы вытекали из этого. В конце концов, все сводилось к простому: она хотела поступать правильно. Она хотела быть хорошим человеком. Если перед ней стоял выбор: ненавидеть свое место в Конохе и превратиться из-за этого в чудовище или смириться и рискнуть, то выбор становился очевидным. Рей знала, что ей не обязательно быть плохим человеком только

потому, что она живет в Конохе. Наруто ведь справился, не так ли? Не было причин, по которым она не могла бы сделать то же самое. Рей встала, чувствуя себя странно голой и одновременно более спокойной, чем за многие годы. Вечная душевная боль и муки последних недель уходили, и она чувствовала, что наконец-то может сделать полный глубокий вдох. Это было правильное решение. Идеальных решений не бывает, но Рей уже чувствовала себя более уверенной в том, что, возможно, она сможет вырасти кем-то, кто не вызвал бы ужаса у ее прошлого "я". Она решила, что начнет прямо сейчас. Ей нужно было загладить свою вину. Рей прыгнула с ветки, на которой стояла, и побежала вниз по стволу дерева с такой же легкостью, как если бы бежала по ровной земле. С легкой нервностью она засунула кунай в рукава, чтобы они были под рукой, и вошла через заднее крыльцо своего дома. Через несколько секунд она нашла того, кого искала, — свою мать, которая все еще сидела на диване и читала книгу, как и раньше. — Мам, — сказала она. Ее голос немного дрогнул. Эмико, должно быть, услышала это, потому что быстро повернулась к Рей, и в ее голубых глазах читалось беспокойство. — Что случилось, Рэй? — спросила она, осторожно положив книгу на пол. — Я... — Она не знала, с чего начать. Эмико была ее матерью, и Рей все больше отдалялась от нее с тех пор, как научилась ходить. Последние недели были словно затянувшийся кошмар. Даже с воспоминаниями о двух матерях, Рей чувствовала, что Эмико заслуживает своего места в ее сердце почти так же, как и ее первая мать. Ей хотелось извиниться, но слова застревали в горле, словно комок невысказанных чувств. Рей понимала, что, должно быть, выглядит совершенно убитой горем, потому что Эмико, заметив ее состояние, подошла и присела рядом, чтобы встретиться с дочерью взглядом. — Что случилось, милая? Все в порядке? — спросила она, глядя на Рей с нежностью, проникающей до самых глубин ее души. Слезы подступили к глазам Рей. Она не знала, что сказать, поэтому просто обхватила мать руками, сжимая ее в самых крепких объятиях, на которые только была способна. По удивленному хрюканью и легкому вздрагиванию Эмико, Рей поняла, что застала женщину врасплох. И как же ей не удивиться? Рей перестала искать ласки матери, когда ей было всего три года. В тот самый момент, когда она начала тренироваться, чтобы стать ниндзя. Эмико колебалась мгновение, прежде чем осторожно обнять Рей в ответ. Шестилетняя белокурая девочка растаяла в объятиях. — Почему я так долго сопротивлялась этому? — подумала Рей. — Рей? Ты начинаешь меня беспокоить, милая. Что случилось? — спросила Эмико. — Просто... прости, что была такой стервой последние несколько недель. Ты этого не заслужила, да и папа тоже. Прости за то, как я относился к тебе на протяжении многих лет. Я не хочу быть таким человеком. — Рей, — сказала Эмико с упреком в голосе, — я действительно не хочу, чтобы ты использовала такие выражения. Это неприлично. Рей не смогла сдержать придушенный смешок. — Ну да... конечно, мама. Ты же меня знаешь, я всегда стараюсь быть правильной, — сказала она сквозь хихиканье. Затем она протрезвела. — Мне правда очень жаль. — Все в порядке, — заверила ее мама, проводя пальцами по волосам, — честно говоря, я в основном просто волновалась за тебя. Я ни разу не видела тебя счастливой с тех пор, как ты узнала, что не будешь продвигаться по службе. — Ну да, — немного угрюмо сказала Рей, — может, я просто поняла, что была немного мелодраматичной во всем этом. Эмико рассмеялась. — Может быть, — сказала она, а затем отстранилась от Рей достаточно далеко, чтобы посмотреть на нее. — Как насчет того, чтобы устроить совместный ужин только на сегодня? Твоя сестра должна скоро вернуться от тети. Рей вытерла глаза рукавом и сумела подарить матери небольшую искреннюю улыбку. — Конечно, я бы хотела.